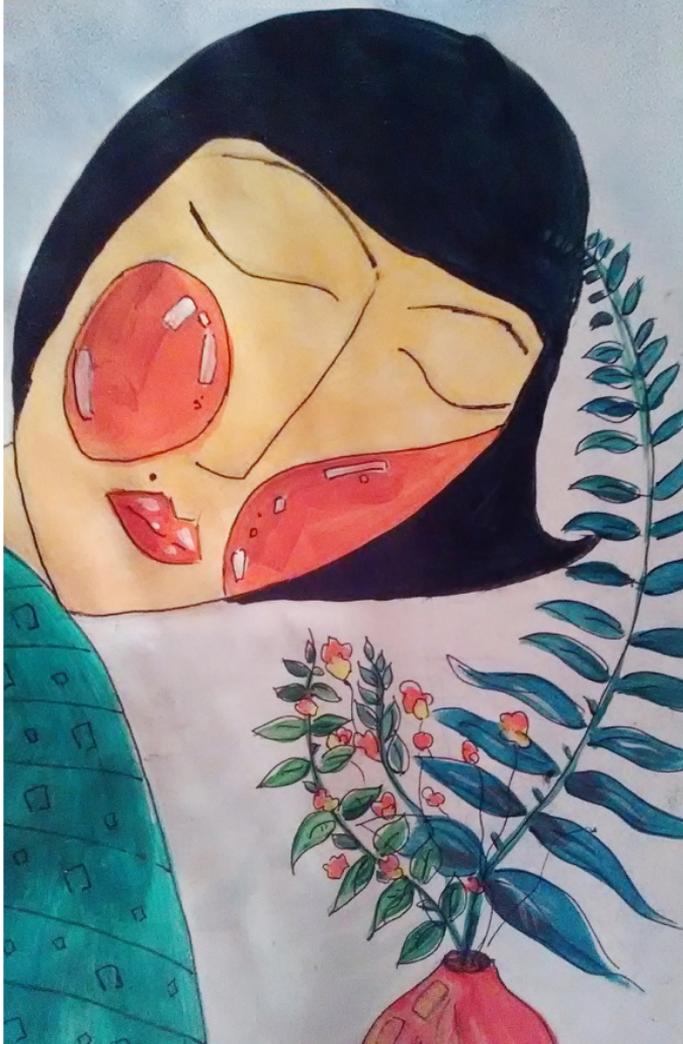

Катя Рубан
СОХРАНИ

Катя Рубан

Сохрани

Серия «Новые стихи»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41852352
ISBN 978-5-04-101888-7

Аннотация

"Книга стихотворений "Сохрани" – это разговор с теми, кто рядом со мной и кого больше нет. В суете повседневной жизни важные слова мы откладываем на потом, думая, что когда-то для них настанет время и место. Но этого, чаще всего, не происходит. Люди идут в нас, живут в нас, проходят сквозь, проходят мимо. Жизнь течет, мы отражаемся в ней кем-то не тем, пытаемся разгадать самих себя и храним молчание.

"Сохрани" – книга экспериментов, разговор начистоту, мое настоящее лицо, которое было стыдно и страшно показать. Это крик в темноту, за которой, я верю, настанет свет.

Он уже здесь".

Катя Рубан

Содержание

Impossible	5
Ночное	7
Женщина-сизиф	9
И чем тебе сейчас не рождество	11
Предпасхальное	13
Цикл «Имена»	15
I. Яблоки	15
II. Inabbat	17
III. Virginia	19
IV. Милая Эн	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Катя Рубан

Сохрани

© Ермолаева Е., 2019

© Девяткова Е., иллюстрация, 2019

© Оформление. ООО "Издательство "Эксмо", 2019

Impossible

Выправь руки по швам.

Недостаточно.

Недостаточно.

Слово – хлыст.

Слово – Бог.

Ты послушник его и раб,

Демиург поневоле. Держи себя, будь загадочен.

Не теряя лица, унеси свои горб и скарб.

Нержавейка. Солдат.

Недодевочка, платье в клеточку.

Поднеси тебе рупор – и рухнет небесный свод.

Будь последней живой.

Несгибаемой райской веточкой.

А забудешь, как быть —

неизбежно пойдешь в расход.

Поднимись и иди, говорят тебе. Четче, явственней

Ощущая себя шестеренкой, под слот шнуром.

Здесь тебе не закажут столов, не напишут дарственных.

Механизм запрещает добро поощрять добром.

Подави в себе боль, от нее – перерыв в вещании.

Накрахмаль воротник, чтоб до хроста.

Еще.

Еще.

Не лелея надежд, умерщвляя мечты и чаянья,
Дай напалмом огня. И не жалуйся: «горячо».

Сладкой патокой в ночь проливается запах святочный.
Не дышать перед смертью – приказ на сто лье окрест.
Выправь руки по швам. Недостаточно, недостаточно.
Отключить в себе это. И сбросить бы горб, как крест.

Только время идет, шелкопряд пребывает мастером,
Только тянут струну, а струна ведь должна звенеть.
Вот вставай и иди, птичка Феникс, герой блокбастера.
Горб-то сбросить легко.
Тяжелее – нести уметь.

Ночное

... Еще не поздно.

Прости меня...

Рашиалекс

В ту ночь, когда стихи умрут во мне,
Ты отвернись, пожалуйста, к стене
И в сумраке смотри цветные сны,
Пока я бьюсь на кончике блесны,
Пока кружусь на лезвии огня
И некому молиться за меня,
Пока у мертвых птиц горят шасси...
Пусти меня. Прости меня. Спаси.

Больная, в полувыцветшем пальто,
Я к Гаутаме еду на метро.
В конце тоннеля, беден, полупьян,
Меня встречает голый Бхагаван.
Один, без Бхагавати. Он – бобыль,
Он с ног моих отряхивает пыль,
Он говорит: «Уста мои вкуси».
Верни меня. Прости меня. Спаси.

Мне видится, пока стою в дверях,
Как вздернулась русалка на ветвях,
Как море из ее раскрытых губ

Лазурью проливается на труп.
Гниющий труп на кончике блесны.
А ты смотри, смотри цветные сны
и отвернись нечаянно к стене,
Когда мои стихи умрут во мне,

Когда они свинцом наполнят грудь,
И я вспорю ее, чтоб отдохнуть.
О Ты, иже еси на Небеси,

Прости меня.
Прости меня.
Спаси.

Женщина-сизиф

День уходящий, зачти мне мои труды.
Я замыкаю фигуры стола и стула
В многоугольник любви и тоски.
Еды,
Пищи духовной и пыли, что в дом надуло
Ветром попутным.
Вскипающее шоссе.
Вне отпусков громяют мосты и рельсы.
Мы погребли тишину. Да и Бог бы с ней.
Музыка мертвых, пролейся живым.
Пролейся.
Жатва грядущая – дымка и купорос —
Ты не сулишь мне ни отдыха, ни ответа.
Петь похвалу урожаю, что не пророс —
Благослови, чтобы завтра я сделал это.
Пусть надо мной ключевой из твоих фигур
Тлеет голубка – дебютное оригами:
Рисовый пепел слетает на абажур —
Дай не поверить, что это случится с нами.
Что это мутное видится вдалеке?
День наступающий. Выход один —
дотронься.
Это не буря. Не пятна на белом солнце.
Это всего-то ржавчина

на зрачке.

И чем тебе сейчас не рождество

И чем тебе сейчас не рождество:
Вишневый снег, сменяясь тополиным,
Когда-нибудь закончится,
Но не
сегодня.

Приветливо распахнутая дверь
Тревогу отделяет от улыбки.
Секунда – и меняется в лице
невротик.

В парадной, отряхнувшись от дождя,
От пыли отдышавшись, тень входила
в прозрачный куб и справа от тебя
ложилась
и слушала, как сумрак наплывал,
А сон шептал, склонившись над подушкой,
Что каждый, каждый зиму пережил
отдельно.

Что если я погибший голиаф?
И камни подобравшие давиды,
Убив однажды, сотню раз убьют
во имя
бессмысленности фресок на стенах,
Бездумного кромсания молитвы.
Не уходи, покуда мир и свет

бытуют,
Покуда за изменчивым ночным
В хрустальной лодке следует дневное
светило, а в чулане есть зерно
для мыши.

Найдешь ли что-то лучше темноты,
Что тень перерождает в человека,
И лучше зим, что мы переживем
обычно.

Предпасхальное

Н.Р.

... и вот он снова кипарис

в саду небес

Елена Шварц

Видишь бабушка берегинюшка дверь в оградке
для дюймовочки
Старая влезешь и взятки гладки
Будто там и жила на гранитовой крошке тенью
На калитку крючок под косынкою спрячу темя
Схороню схороню так вернее чем просто прятать
На зеленое платье черемуха ягод ляпнет
Расскажи берегиня кротова моя невеста
почему ты одна и прокисшее тилитесто
между тоненьким папой и может быть толстым дедом
тухнет банкой эмали

Мы красили до обеда
Встали устали а ты говоришь есть нечего
Почему земляника с могилки отмечена
Кем отмечена привидением что ли
Старым больно
Откуда у маленьких взяться боли
Наклоняешься трогаешь ландыши

спят под ними твои малыши
и чьи-то еще наверное червяковые
Твои-то иссохлись а эти совсем как новые
Иссушает не солнце напитывает не дождь
так однажды и ты уйдешь
Раздерут полоумного дыбой из кипариса
а душа кипарисова в сад не отходит быстро
и чья-то еще наверное человечкина
Вот мы встали устали а есть-то пожалуй нечего

Как порубят черемуху в пятницу на беду
так однажды и я уйду
Молодые на убыль болезные на убой
мертвых красили шли домой

На кладбищенских травах настоян дурманный ветер
Что ворона носила во клюве чернявым детям
Песню мышку скорлупку
Дорожка вилась чиста
и бежала вода с креста

Цикл «Имена»

І. Яблоки

Зимой, Мари, какие яблоки?
Горчащий пластик, спелый воск.
Как не имелось жизни в яловых,
Так ниоткуда не взялось.
Хрустальной веткой пала молодость:
Ее разбили дикари.
Ты о любви со мной безмолвствуешь,
Так хоть о лжи поговори.
Чем пахнет дом: едой, пожаращем?
О ком колышется трава?
На фото я, скажи, жива еще?
Зачем я там еще жива?
Зачем мелькаю перебежками
В углах кирпичных? Место есть
Тому, кто дружит с Белоснежками,
Рожая гномов – в двадцать шесть
Уже седьмого. Время трудное,
И мы с тобой – ему под стать:
Друг друга кормим изумрудами,
Но пустословим. И – бежать.
Уже отчаявшись попробовать

Апорт, что хрусток и трескуч,
Я унимаю стынь утробную,
Я запираю дверь на ключ
И глажу тумбу прикроватную,
Приобретая жалкий вид.

Пылает яблоко закатное
И снег над городом горит.

II. Inabbat

Помню, как грела Луна Козерога,
В городе били в набат.
Город пылал, и ему стало смогом
Имя твое, Инаббат.
Как ни лечил я ожоги и боли —
Стало больней во сто крат.
Раны кровили, и было им солью
Имя твое, Инаббат.
Рогом бараньим, чужим в этих землях,
Свой украшаю халат.
Где оброну на беду свое семя,
Где обрету Инаббат?
В смуглой ли жрице, в посланнице норда?
Север кровав, я богат
Взглядом горячим, жестоким и гордым,
Взглядом твоим, Инаббат.
В лунной долине под цветом жасмина
Сны над просящим летят.
Здесь уловимо, едва уловимо
Имя твое, Инаббат.
Здесь ты плясала над лентой арыка,
Но уничтожен твой сад.
Только раскаты звериного рыка,
Только зола, Инаббат.
Где мой оазис, молочный ягненок?

Как мне вернуться назад?
Как принужденно выводит ребенок
Имя твое, Инаббат.
Как неестественен отблеск агата —
Черное небо-быльё.
Поздно вплетать в свою жизнь, Инаббат,
Имя твое.

*Inabbat (каз.) – 1. уважение, почтение;
2. совесть, честь, стыд.*

III. Virginia

Прозрачный вечер тонет в серпантине,
Как тонут в первозданной пустоте
Глаза и лица. Выцветшая глина,
Ты упадешь на белую постель
И маленькой рукой, почти что детской,
Нащупаешь невидимую дверь —
Кусочек сна, полученный в наследство.
Все кончится, Вирджиния, поверь.
И то, что раньше было не по силам,
По силам не окажется вдвойне.
Куда ты шла, кого ты здесь любила,
Точнее, очаровывала...
Нет,
У господ не лопнут перепонки:
Качнутся мягко бусы облепих —
И ты родишь красивого ребенка,
Вирджиния, избавясь от иных.
Молочный лоб и щеки в струйках крови
(подай нам, вечный, хлеба с молоком).
И нечисть запоет у изголовья,
И ангел вострубит особняком.
Ребенок побежит по чистой луже,
Споткнется об искусственный цветок,
Окажется разбужен как задушен.

На смену небу грянет потолок,
И что бы с нами ни происходило —
Все кончится, Вирджиния. Взгляни:
На водах азоического Нила
Качаются покойники и сны.

IV. Милая Эн

"Всплывают тьмой изъеденные лица..."

Елена Шварц

"Жри снег."

(с)

Я восхожу на сцену.

Здесь, помню, стрелялся Треплев
и, говоря фигурально, убил завкафа.

Ветер настойчиво бархат кулисы треплет —

Здесь мы лакали шампанское, ели Кафку
поедом зверским, с неистовой жадой знаний,
не понимая, что знание в этом виде
будет убийственно.

Время пришло – устали.

Милая Эн, я нисколечко не в обиде
за пустоту,

от которой нигде не скрыться:

тут бесполезно менять города и страны.

Вот я взлетаю угрюмой калекой-птицей,

Внутренний город томится на дне кармана,

Жаждет – наружу, сквозь темя, ростком лаванды...

Мы через время утонем в цветку, сестрица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.